

До звонка на первую пару оставалось ровно пять минут, когда Чу Тань вошёл в аудиторию.

Студенты уже заполнили помещение: они сидели шумными стайками, перешептывались, пролистывали конспекты, набрасывали эскизы и просчитывали параметры трехмерных моделей. Аудитория гудела, словно улей.

Но едва Чу Тань переступил порог, всё изменилось.

Как и всегда, он сработал подобно флюгеру: где бы ни появлялся Чу Тань, взгляды окружающих невольно устремлялись к нему. А сегодня в этом всеобщем внимании проскальзывал особый, животрепещущий интерес.

Чу Тань с привычной, безупречно сдержанной вежливостью кивнул собравшимся и выбрал место там, где людей практически не было.

Несмотря на холодность и отстранённость, в архитектурном институте не нашлось бы человека, который относился бы к нему с неприязнью. Его хладнокровие вовсе не выражалось в надменной грубости или спеси, да и заносчивости в нём не водилось ни капли. Это была незыблемая статность, врождённое благородство — один взгляд на Чу Таня внушал невольное уважение, пред которым мысль о бестактности казалась кощунством.

При этом с окружающими он ладил безупречно. Любому студент, которому довелось слушать с ним одну лекцию или работать над общим проектом, отзывался о нём с восхищением. Его дистанцирование от других никто не принимал за гордыню — напротив, в этом видели желание сохранить личные границы, и окружающие платили ему тем же уважением.

Так что, где бы Чу Тань ни присел, соседние места неизменно пустели. Просто никто не решался выдержать подобное соседство...

Положив учебник на стол, Чу Тань хотел было почитать в ожидании преподавателя, но сказывалась бессонная ночь. Губы Цзинь Цзяньсина до сих пор слишком явственно стояли перед глазами — плотные шторы над кроватью так и не смогли отгородить его от этого наваждения.

Накатила сильная усталость. И это состояние затянулось до середины пары: занятие длилось и длилось, словно долговечная батарейка, а он всё никак не мог прийти в себя.

Знай он заранее, выпил бы утром чашку крепкого кофе — тогда не пришлось бы сидеть с туманной головой, пока преподаватель вовсю зачитывает материал.

Преподаватель Ван тем временем увлечённо объясняла тему. Лекция касалась роли инсоляции и освещения в архитектуре.

— Что же такое инсоляция и естественное освещение? — декламировала она. — В контексте архитектуры это площадь солнечного облучения — то первое, самое базовое и мощное ощущение, которое человек испытывает, переступая порог помещения. Освещение напрямую влияет на эмоции, внутреннюю энергию и даже служит тонким психологическим подтекстом. Какое же освещение можно назвать идеальным, самым комфортным? Зависит ли это от продолжительности светового дня? Или от площади инсоляции? А может, от того, насколько долго помещение сопротивляется наступлению ночных теней? Вовсе нет!

Она сделала паузу и обвела аудиторию взглядом.

— Исследования специалистов показывают: лишь то освещение заслуживает называться истинно комфортным и глубоким, которое оставляет у человека самое яркое, ясное и чистое впечатление. Восприятие здесь сугубо индивидуально. И если мои слова кажутся вам чересчур абстрактными, переложу это на другой язык. В этом мире обязательно найдёт путь тот единственный луч, узрев который, вы мгновенно прозреете; в этом мире существует место, принадлежащее без остатка лишь вам одному; и в этом мире непременно найдётся человек, на котором ваш взгляд застынет мгновенно, выхватив его из бескрайнего людского моря! И именно это — то самое идеальное, дарующее покой и ясность «освещение»...

— О-о-о-у-у! — прокатился по аудитории дружный гул студентов.

Настолько поэтичные пассажи смахивали не на сухую архитектуру, а на романтическую философию, так что не поднять преподавателя на смех было просто невозможно.

Чу Тань тоже едва заметно улыбнулся. Если отбросить термины, суть инсоляции сводилась именно к этому, но разве в жизни часто случается то самое прозрение с первого взгляда?..

Однокурсники вокруг с оживлением шептались, развежившись от философского настроения, и лишь Чу Тань всё глубже погружался в оцепенение. Душевные порывы были ему чужды — хотелось просто зажмуриться и уснуть.

И как раз в этот момент из коридора раздался громкий оклик, за которым последовал оглушительный стук распахнувшихся дверей.

Аудитория вздрогнула. Студенты недоумённо вскинули головы — и так и замерли в шоке! В следующий миг по рядам прокатился затяжной вздох, где-то с грохотом посыпались учебники, а девушки не удержались от восхищенных сдавленных криков...

Чу Тань, уже смеживший веки и приготовившийся к короткому сну, почувствовал странное нетерпение в нарастающем шуме. И сквозь этот гул пробилось знакомое ощущение: на него уставились десятки глаз.

Из-за своего физиологического фиксационного синдрома Чу Тань с особым чутьем реагировал на чужое внимание — он мгновенно засекал любой взгляд, пусть даже самый мимолётный или

украдкой брошенный.

Чувствуя, как лихорадочное внимание аудитории сфокусировалось на нём, он в недоумении медленно разлепил веки...

Слова преподавателя Ван вновь всплыли в голове:

«В этом мире обязательно найдёт путь тот единственный луч, узрев который, вы мгновенно прозреете... И именно это — то самое идеальное освещение...»

В то же мгновение Чу Тань словно наяву увидел ослепительный, бьющий через всё помещение сноп света. Он разогнал душную полусонную атмосферу аудитории, обострил чувства и мгновенно смахнул всю накопившуюся усталость...

Солнечные лучи пробивались аккуратно из-за спины Цзинь Цзяньсина, заливая его фигуру золотом. Яркий свет очерчивал его поджарый, статный силуэт ростом под метр девяносто, отбрасывая длинную тень к самым ногам Чу Таня. Нагло изогнутые густые брови отливали золотистым блеском, а дерзкая ухмылка ослепляла яркой непринуждённостью...

И надо всем этим великолепием царил абсолютно дикий, вырвиглазный наряд. Цзинь Цзяньсин походил на гигантского павлина, распутившего перед всем миром пёстрый хвост, или на взъерошенного, гордо задравшего голову индюка... Или даже... на живой ростовой стенд в форме ярко-раскрашенных губ, ступающий по радужным облакам прямо к нему?!

[Что происходит? Зачем сюда припёрся Цзинь Цзяньсин? Да ещё и в таком прикиде? Это что, новый писк моды — все цвета радуги сразу? Снова вернулся тренд на стиливых бродяг?]

[Дичь какая-то... Дай-ка ещё раз гляну!]

[Я специально сосчитал: на куртке разглядел двадцать разных цветов — каждый лоскут своего оттенка! На штанах — тридцать, а носки вообще разнопарные: один зелёный, другой жёлтый?!]

[Ух ты, вот это выпендрёж! На ногах у него свежие «джорданы»? Как у них получилось замешать такую дикую палитру, чтобы смотрелось стильно? Раз, два, три... тридцать, тридцать один... тридцать три! Тридцать три цвета?! Он что, палитру перевернул? Сколько ж эта пара стоит...]

[Эй, вы чего так быстро считаете? Архитекторы реально маньяки по колористике, я только до середины дошёл!]

[Народ, да в чём дело-то? На кой хрен Цзинь Цзяньсин заявился в архитектурный институт весь такой разноцветный, да ещё с двумя стаканами кофе? Неужто к Чу Таню?]

[А к нашему Принцу-то зачем? Чу Тань вчера выкинул его чемоданы и ещё по голове погладил! Неужели глава студсовета припёрся мстить? Выльет ему кофе на голову? Сразу оба стакана?]

[Такую светофорную цыганщину вытягивает исключительно его рожа!]

[Красив — значит, всё простят.]

[Мать моя... Слепил так ослепил...]

Форум Университета Б взрывался от сообщений, а тем временем в аудитории весь поток — включая Чу Таня и застывшего преподавателя Ван — проникся понятием «ослепительного освещения» до самых глубин души!

Ярко! До невозможного, до рези в глазах ярко!

И вот этот распутивший пёстрый хвост павлино-индюк во всей своей красоте замер прямо перед Чу Танем. На виду у опешившей аудитории и абсолютно изумлённого Чу Таня он с открытым вызовом демонстрировал свой буйный наряд...

Каждая ниточка на нём словно кричала: «Ну как? Правда же круто выглядит?!»

Чу Тань:

«...»

Оцепенение Чу Таня ничуть не удивило Цзинь Цзяньсина. Да что там Чу Тань — когда Цзинь Цзяньсин натянул всё это в магазине, Не Жун с Не Чжэнем мечтали ослепнуть на месте!

Дело было не в том, что прикид смотрелся убого или не круто — с внешностью и фигурой Цзинь Цзяньсина можно хоть в обносках выходить на красную дорожку. Проблема заключалась в том, что их «брат Цзинь» явно двинулся умом!

На кой чёрт закупать такой вырвиглазный гардероб? А когда дело дошло до кроссовок, он потребовал сделать кастомный раскрас прямо на месте! Озвученная палитра повергла консультанта в шок: если бы не внушительные габариты покупателей, бедная девушка выставила бы их за дверь, повторяя, что сделать такое невозможно.

Пока Цзинь Цзяньсин не начал называть суммы. Десять тысяч, двадцать, тридцать... Причём накидывал он деньги со счетов Не Жуня и Не Чжэня! В итоге не только продавщица хваталась за сердце — у братьев Не едва не случился инфаркт.

Конечно, за деньги они не переживали — брат Цзинь всегда возвращал долги до копейки. Их пугало душевное здоровье друга: неужели одно поглаживание по голове от Чу Таня настолько выбило его из колеи? И когда Цзинь Цзяньсин нарядился во всё пёстрое, парни окончательно убедились в страшном: их лидер закусился с Чу Танем насмерть!

Заметив шок на лице Чу Таня, Цзинь Цзяньсин остался весьма доволен. Усаживаясь рядом, он демонстративно подтянул штанины, выставляя напоказ разнопарные носки — жёлтый и зелёный:

— Держи кофе. Проходил мимо и захватил тебе стаканчик.

Чу Тань, мучившийся от сонливости, на миг замер:

—... Спасибо.

Цзинь Цзяньсин внимательно следил за его мимикой. Да, оцепенение имелось, но вот безгливости или отвращения что-то не наблюдалось. Более того — сегодня Чу Тань даже не пытался отвести взгляд!

С той самой минуты, как Цзинь Цзяньсин вошёл в аудиторию, и вплоть до этой секунды Чу Тань непрерывно разглядывал его наряд. Вчера он себе такого не позволял. В чём дело? Разве Чу Тань терпеть не может яркие цвета? Отчего же тогда такая реакция? И за что благодарить? Подумаешь, кофе занёс...

— Зачем ты пришёл в архитектурный институт? — спросил Чу Тань.

Он действительно не сводил глаз с Цзинь Цзяньсина. Делать было нечего — этот пёстрый прикид давал слишком мощное «освещение»!

К тому же, благодаря этому безумному буйству красок, Чу Тань смог ненадолго отвлечься от манящих губ парня...

Цзинь Цзяньсин устроился на сиденье. Под пристальными взглядами студентов преподаватель Ван постепенно пришла в себя — в университете правила свободные, ходи на любые лекции соседних факультетов. Посему аудитория быстро утихомирилась, и лектор вернулась к теме освещения.

— Мимо проходил, — бросил Цзинь Цзяньсин и как бы между прочим задрал рукава, демонстрируя яркие напульсники — красный на одной руке, синий на другой.

Чу Тань:

«...»

Специально «мимо проходил»? В таком виде?

Чу Тань искренне недоумевал. Он-то полагал, будто Цзинь Цзяньсин явился свести счёты за вчерашнее поглаживание по голове, а тот принёс кофе да ещё и с нескрываемой гордостью щеголяет своим цыганским нарядом... Неужели он припёрся ради того, чтобы услышать похвалу новому гардеробу?

Что ж... Похоже на то...

Наблюдая, как парень то поправляет рукава, то одёргивает штанины, Чу Тань после краткой паузы решил не скупиться на комплименты. Максимально искренне и с глубоким пониманием он приготовился выказать своё одобрение.

Он повернулся к Цзинь Цзяньсину с лёгкой, самой дружелюбной улыбкой и произнёс со всей теплотой:

— У тебя отличная одежда. Очень красивые цвета!

От этой душевной похвалы Цзинь Цзяньсин — как раз сделавший глоток кофе, подтянувший штанину и приготовившийся скинуть куртку, дабы продемонстрировать радужную футболку — зашёлся в диком, едва не смертельном кашле, едва не подавившись насмерть!

<http://bllate.org/book/20661/2109029>